

Бакулина Светлана Дмитриевна

**СПЕЦИФИКА ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ КАК ОСНОВАНИЕ
ДЛЯ ТРАНСЛЯЦИИ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ**

Статья раскрывает особенности социокультурной ситуации в сибирских регионах на рубеже XIX-XX вв., определившей вектор для современного межкультурного взаимодействия. Освещение проблемы взаимоотношения между аборигенными и переселенческими народами, внимание к вопросу формирования ментальных черт сибиряков создают контекст для осмысленного понимания современных процессов в области этноконфессионального взаимодействия, знание историко-культурного освоения территории способствует формированию благоприятного климата для построения межкультурного диалога.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/3-1/5.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 25-29. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

NIZHNY NOVGOROD MUNICIPAL GOVERNMENT ACTIVITY IN SPHERE OF CHARITY AT THE TURN OF THE XIXTH-XXTH CENTURIES

Arkhipova Natal'ya Evgen'evna, Ph. D. in History
Volga State Academy of Water Transport
arx78@mail.ru

The article basing on the systematization of facts considers the main directions of social assistance to needy citizens by municipal government in Nizhny Novgorod at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century. The town officials solved the issues of granting benefits, pensions and credits for the repair and construction of houses to poor citizens, supported almshouses, asylums, dining rooms, and organized the sale of goods at procurement prices. However, the town did not have enough money. Special role was played by Nizhny Novgorod merchant class that provided funds for charity at the disposal of municipal government.

Key words and phrases: charity; almshouse; widow's house; asylum; pawnshop; allowance; traditional tea houses and canteens; pensions; arrears removal.

УДК 130.2; 908

Культурология

Статья раскрывает особенности социокультурной ситуации в сибирских регионах на рубеже XIX-XX вв., определившей вектор для современного межкультурного взаимодействия. Освещение проблемы взаимоотношения между аборигенными и переселенческими народами, внимание к вопросу формирования ментальных черт сибиряков создают контекст для осмысленного понимания современных процессов в области этноконфессионального взаимодействия, знание историко-культурного освоения территории способствует формированию благоприятного климата для построения межкультурного диалога.

Ключевые слова и фразы: этноконфессиональные процессы; сибирский характер; полиэтничность; сибирское освоение; аборигенные народы; переселенческие народы; поликультурные отношения; аксиологическое наполнение.

Бакулина Светлана Дмитриевна, к. культурологии, доцент
Омский государственный педагогический университет
svbakulina@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ТРАНСЛЯЦИИ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ[©]

Образованный взаимовлиянием коренных народов поликультурный облик Сибири с приходом русских испытывает на себе основные преобразования. Процесс можно связать с формированием новых межэтнических и межконфессиональных отношений, определяющих ассимилятивные изменения, с развитием определенного типа сибирского жителя.

Находясь в тесной взаимосвязи с конфессиональными особенностями, этнокультурная специфика формировала особое аксиологическое наполнение места, создавала и закрепляла его духовное своеобразие. В период XIX – начала XX века, на пике развития переселенческих проектов, связанных с промышленным освоением территории, внимание русских мыслителей было обращено к вопросам о сущности формируемой ментальности и особенностях образования нового гражданского мира. Так, например, Н. М. Карамзин, описывая сибирские просторы, уделял внимание «особому месту», где «возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами», Россия представляла «черты... обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных... долговременною связью с монголами, – византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами» [4, с. 13]. Рождение евразийской души неразрывно связывалось с рождением сибиряка, уникального не только местом рождения; он впитал культурный дух многочисленных народов, явившихся источником особого типа мышления, хозяйствования, бытования.

Включение полиэтничной территории Сибири в структуру этнически неоднородного Российского государства происходило последовательно, что проявлялось, например, в создании смешанных семей. Так, первопроходцы, пребывающие в иноязычной среде, решали как служебные, торговые, ремесленные, так и личные вопросы. В семьях казаков, торговых и служилых людей в результате браков с алтайками, бурятками, татарками, тувинками рожденные дети считали себя уже членами не одного, а двух родов. При этом браки создавались не только с крещеными, но и с оставшимися в язычестве туземками. По отношению к межрелигиозным бракам представители православного духовенства нередко выражали беспокойство, поскольку именно в них видели причину духовного закоснения.

К теме религиозного взаимовлияния в работе «Русский раскол старообрядцев» обращается А. П. Щапов. Описывая духовную ситуацию в Русском государстве XVII века в целом и обращаясь к анализу письма патриарха Филарета сибирскому архиепископу Киприану (1622 г.), автор соотносит «грубый, кичливый разгул» современного ему XIX века с предшествующим столетием и проводит параллели господствующего в Сибири «грубого разврата» с утверждением раскола в самых ярких и откровенных проявлениях. По мысли Щапова, причиной тому стало несоблюдение христианских обычаев переселенцами и совершение многочисленных браков с иноземками, о чем свидетельствовали воеводы и приказные люди. Автор ссылается на письмо Филарета, в котором рассказывается о сибирских городах и уделяется особое внимание жизни служилых и «жилецких» людей: они «живут некрестьянскими обычаями, но по своим скверным похотям; многие русские люди... с татарскими, и с остяцкими, и с вогульскими поганскими женами смешаются и скверное делают; а иные живут с татарками некрещеными, как есть со своими женами, и делают с ними противности...» [14, с. 13]. В своих рассуждениях о русском расколе в старообрядстве А. П. Щапов приходит к заключению, что именно непросвещенность населения становится причиной совершения «безнравственных поступков», так как необразованность русского народа является основанием для его умственных и нравственно-религиозных недостатков. При этом неумеримость русского характера поддерживало еще одно «мрачное» качество, а именно склонность народа к грубой, необузданной свободе в нравственной жизни, к грубому разврату и праздношатательству [Там же, с. 32]. С течением времени относительная свобода сибирских жителей, формируемая, например, отсутствием крепостного права, безнаказанностью в силу далекого местонахождения от центральной России, долгим процессом христианизации и исламизации, создавала особый тип мышления, определяющего способ поведения и жизнедеятельности, чему русскими историографами придавалось большое значение.

К изображению истории возникновения и расселения этнокультурных групп, прогнозу дальнейшего развития межкультурных отношений в Сибири XIX – начала XX века обращались Н. М. Ядринцев, П. А. Ровинский, М. В. Загоскин и другие исследователи, отмечая разный характер отношений между аборигенами и переселенцами. При этом анализировались не только факты участия в жизни аборигенного населения, но и случаи нетерпимости к инородцам; враждебность к «туземным полудиким племенам» сравнивали с отношениями, сопутствующими рабству и войнам, что свидетельствовало о «завоевательном» характере присутствия русских. «В Сибири, как в стране, завоеванной такими людьми, которые были немногим выше ее туземных полудиких племен, – пишет К. Михайлов, – победа господствующей расы была результатом войны и всех ее последствий» [8, с. 94]. В многочисленных публикациях «Сибирского сборника», посвященных вопросам истории инородческой и крестьянской неволи, делались выводы о необходимости поиска путей для ненасильственного освоения территорий, поскольку обратный процесс есть свидетельство недостаточной цивилизованности пришлых народов и их неадаптивности.

Обращаясь к проблеме взаимодействия переселенцев и аборигенов, исследователи отмечали изначальную неприязненность, «высокомерие» русских, что проявлялось в отношении купцов, промышленников, зажиточного крестьянства к труду туземного населения. Нередкими были случаи обмана, втягивания в сомнительные ростовщические и плутовские операции, о чем высказывал сожаление в работе «Сибирские инородцы в XIX веке» С. С. Шашков. Автор описывал случаи вовлечения местного населения в кабальную зависимость от зажиточных переселенцев посредством предоставления им кредитов, в том числе ради спасения собственной жизни и по причине отсутствия в семье денег на пропитание. При этом инородцам зачастую невозможно было отработать долги при жизни из-за роста процентов, что делали уже последующие поколения [12]. В этих условиях одним из способов, с помощью которого существовала вероятность сохранения былой значимости коренных этносов на сибирских территориях, могла стать естественная стабилизация численности населения, позволяющая сберечь локальную специфику этносов. Опираясь на данные статистики и анализируя результаты сибирской колонизации, Н. М. Ядринцев отмечал незначительное влияние русских на аборигенное население в области смешения культурных традиций и превосходства по численности: «русские несмотря на свое трехсотлетнее владение территорией к середине XIX века не доставили ей более 4 800 000 населения, а инородцы несмотря на их трехсотлетнее истребление представляют еще население в 4 515 766 душ» [16, с. 91]. Однако противостоять ассимилятивным процессам было практически невозможно.

На государственном уровне взаимоотношения переселенцев и коренных этносов корректировались Уставом об управлении инородцами (1822 г.), принятым под влиянием европейских идей о поступательности и прогрессивности человеческого развития. Приоритетное направление этого документа заключалось в подходе к аборигенам с точки зрения степени их цивилизованности, показателем чего считались уровень развития, образ жизни, освоенные формы хозяйственной деятельности. Если в XVIII веке такой подход только намечался, то в XIX веке был вполне определен. Правительственным распределением позволялось зависимым аборигенам, например дворовым калмыкам, алтайцам, получать свободы и записываться в любые сословия [3, с. 3]. Эта политика реализовывалась в массовом порядке и сказывалась на увеличении численности русских крестьян и мещан. Сословия сибирских инородцев распределялись на разряды по принципу «уровень развития», и высший (оседлый) разряд приравнивался в правах и реалиях к русскому крестьянству. Как отмечает Л. И. Шерстова, в государственную политику внедрялось представление о неравнозначности этносов, о линейности исторического развития, и государственной задачей становилось культивирование всех аборигенов, подтянутых к разряду оседлых крестьян. В свою очередь, появление оценочного суждения о сибирских этносах как о «культурных» или «некультурных» повлияло на изменение приоритетов в области отношения

к иноверцам у основной массы переселенцев: «они перестают видеть в коренном населении равноправных партнеров, какими воспринимались ранее казаками и служилым населением в XVII в.» [13, с. 76].

Об особенностях крестьянского быта, экономических отношениях и юридических правах сибиряков неоднократно писалось в региональных газетах «Иркутские губернские ведомости», «Амур» и «Сибирь». Стремясь сделать издания рупором передовой общественной мысли, публицист М. В. Загоскин тесно сотрудничал с политическими ссыльными, результатом чего стали острые статьи (например, «О быте поселян Иркутского уезда», 1857), актуальные очерки из сельской жизни, вскрывающие проблемы неустроенности переселенцев. Итогом такой оппозиционной деятельности по отношению к административной политике стало закрытие газеты «Сибирь» (1887 г.) и высылка Загоскина из Иркутска [7, с. 110]. Такой шаг свидетельствовал о невозможности открыто высказывать замечания по поводу законодательных нарушений в регионах и существующих проблемах, связанных с жизнеустройством населения Сибири. По меткому замечанию Н. М. Ядринцева, последствие вторжения в Сибирь осталось небезнаказанным со стороны аборигенов: во внешности и манере поведения на славянах отразился особый отпечаток. «Нынешний сибиряк представляет собой особый, несомненно, уклоняющийся от славянского типа, главные особенности которого бросаются тотчас в глаза едущему в Сибирь и, по мере приближения к Востоку, становятся все характернее: другой говор, другой обычай, иной характер во всем, которого вы сразу не определите, но, тем не менее, чувствуете» [16, с. 99]. Таким образом, результатом ассимилятивных процессов, заданных приходом русских, стало двустороннее взаимодействие аборигенного и переселенческого населения, взаимное влияние, изживающее локальные особенности народов и создающее не только синтетические формы проживания, но и особый тип жителя.

Заметим, что проблема формирования специфики сибиряка занимает умы исследователей не только в XIX веке, но и находит свое новое развитие в XX–XXI веках. Так, в ходе массовых проверок крестьянского хозяйства и сельского быта в Сибири А. А. Кауфман, руководящий этой деятельностью, составил классификацию трех типов пришлого населения, согласно которой, по его мнению, не следует говорить о формировании областного сибирского типа жителя. К первой группе – «новоселам» – относятся крестьяне, прибывшие из Европейской России не более 15–20 лет назад; во вторую группу Кауфман относит старожил – крестьян, «живущих в крае уже несколько поколений и более или менее утративших воспоминание о своей первоначальной родине»; третья группа – это «староселы» – та часть сибирского крестьянства, «которая пришла из Европейской России более чем за 15–20 лет, но среди которой еще жива часть лиц, сохранивших непосредственное воспоминание о своей родине. Группируя переселенцев по времени пребывания в Сибири и находя их специфические социокультурные особенности, исследователь ставит под сомнение наличие особого «русского сибирского типа»» [5].

Иную позицию высказывал Н. М. Ядринцев, видевший в сибиряках образующийся народно-областной тип, в характере которого «совокупляются разнородные черты, наложенные жизнью, природою и историческим складом». С одной стороны, определяющими характеристиками стали «диковатость, след инородческого влияния, отступление от культурных привычек, холодная рассудочность, не согреваемая чувством, часто огрубелость среди лесной жизни, отсутствие идеальных стремлений, преобладание индивидуалистических интересов над общественными и развитие промышленных и своекорыстных мотивов», однако, с другой стороны – это «ум, любознательность, энергия, практичность умения ориентироваться, находчивость, воспитанность жизнью, предприимчивость, известный закал характера, самобытная самостоятельность и способность к самодеятельности» [16, с. 121–122].

Тем не менее Кауфман признает важную роль каждой группы в процессе сибирского освоения и говорит о наличии нескольких сложившихся подходов, способствующих объяснению того, кто такой сибиряк. Сутью *первого подхода* является его определение сибирского жителя как типа со свойственными чертами приспособленца и расточителя: «ум сибиряка всецело поглощен материальной наживой, его увлекают только текущие практические цели и интересы», «к сибирскому населению не прививаются никакие общественные идеи и уставы». Оттого существенные черты – «грубость и дерзость, лукавство и унижение, свойство раба»; в хозяйстве сибиряк – «пенкосниматель», умеющий расточать богатства края и не способный к интенсивному труду. *Второй подход* заключается во взгляде на жителя Сибири как представителя сохранившегося древнего типа русского человека «до появления кабалы, холопства и крепостного права». Именно в Сибири его природные свойства получили свободное развитие; потому сибиряк хозяйственен, пионер-колонизатор; он способен преодолевать «совершенно непосильные для —русского» крестьянина препятствия и трудности». Если *третий подход* обусловлен стремлением объединить разнообразие штрихи в одну общую картину и связать ее с суровым, сухим и здоровым климатом, взаимным культурным влиянием с инородцами и физиологическим смешением, постоянной борьбой с природой, развившей качества колонизатора и пионера, отсутствием крепостного права и слабостью административного гнета, то *четвертый подход* заключался в оценке разнообразия условий, в которых жили переселенцы, а потому не имели влияния на создание единого областного типа [5, стб. 762–764]. В итоге А. А. Кауфманом делается вывод о *русско-сибирской народности* как *собирательном понятии*, а не реальном, едином областном типе, который продолжает объединять новые группы переселенцев, обладающих культурным своеобразием.

С течением времени вопрос о вероятности формирования сибирского областного типа вновь актуализируется. Возникают гипотезы [1; 2; 6; 10], подтверждающие точку зрения о возможности формирования сибиряка как психофизиологического типа, поскольку смешение русских с различными народностями Сибири создало условия для развития общих типологических черт, уклоняющихся от «образа коренной России»,

ярких и определенных, цельных и структурно духовных. Подтверждением тому стало сопоставление старожильческих групп разных регионов Сибири, проведенное московскими антропологами в 1960-1964 годах и показавшее наличие целостности типа сибиряка, несмотря на отличия, связанные с местом проживания. Определяющими качествами, характерными для сибирской ментальности, были названы настойчивость в выполнении поставленных задач, осмотрительность в решениях, отсутствие поспешности в действиях, «но без следов вялости», хорошая ориентировка в обстановке, ровное настроение без склонности к повышенной чувствительности. В историко-антропологическом отчете исследователи зафиксировали антропологические особенности старожилов Сибири: «преимущественно коренастое телосложение, невысокий рост, умеренно широкое туловище, отсутствие склонности к большому жиротложению, даже в старшем возрасте» [9, с. 170]. Тем не менее существующая соматическая специфика не связывалась с климатическим фактором, а являлась результатом приспособления к среде, требующей большой затраты физических сил.

Специфика сибирской ментальности южносибирских регионов складывалась на основе контактов с «внутренними киргизами» – казахской этнокультурной группой, которая начала свое активное формирование с середины XVIII века, а в XXI веке продолжает оставаться одной из самых многочисленных в российских регионах. Например, в современном Омском Прииртышье казахи – это второй по численности этнос, испытавший на себе значительное влияние прибывшего в казахстанские степи крестьянства. Межэтнические отношения укреплялись многими факторами, связанными в том числе и с широким применением русской утвари, приобретенной на массовых ярмарках.

Аналогичные процессы происходили между русскими жителями и сибирскими татарами. Их сближению способствовали общинные связи, развивающиеся культурно-бытовые контакты, в результате чего формировался новый общинный тип культуры. Следствием влияния русских на сибирских татар становилось постепенное смягчение первобытных нравов сибирских племен. Особенность эта была зафиксирована И. Юшковым, изучавшим ассимилятивные процессы коренных народов с культурой переселенцев. Исследователь отмечал, что благодаря сохранению мусульманского типа и характера даже самого «обрусевшего» татарина никогда нельзя назвать русским, несмотря на то, что он принял христианскую религию. «С видимою переменю своих верований, – находит Юшков, – они не отказались от народных вековых предрассудков и не утратили веры в святость своих преданий и наивную уверенность в превосходстве мусульманских нравов. Однако, очутившись в пределах нашего государства, живя под покровительством русских законов, татары не могли не признать их авторитета в своей общественной и домашней жизни, тем более что наше законодательство, предоставляя сибирским татарам, как коренным жителям Сибири, так и выходцам из Бухарии, разные льготы и преимущества – в устройстве их гражданского быта, всегда строго применялось ко всем особенностям их жизни и сообразовалось с местными потребностями» [15, с. 56-57]. Таким образом, если изначально сохранению локальной культурной специфики коренных этносов юга Западной Сибири содействовало сочетание этнических особенностей со сложившимися конфессиональными представлениями (что не исключало наличия ассимилятивных процессов под воздействием все более распространяющейся русской культуры), то позже эту тенденцию поддерживало государственное законодательство, направленное на стабилизацию межкультурных отношений – основания для мирного освоения территорий.

Наличие переходного состояния «открытых этносов» переселенцев и аборигенов, сложившегося к первой половине XX века, подтверждало существование этнической консолидации, при которой русские впитывали иноэтнические компоненты, а инородцы осваивали европейскую культуру, в том числе через земледельческие навыки и опыт. Массовое переселение существенно влияло на этнокультурную ситуацию в приграничных регионах. Ограничение земель, которыми пользовались казахи, вследствие хозяйственного и культурного влияния русских и украинцев, переселения немцев привело к отказу от кочевого образа жизни и полукочевому оседанию на жительство в аулах [11, с. 16]. К примеру, по данным «Земельного опроса в Сибири» в 1917 г. на территории Западной Сибири проживало до 30% казахов, 14% старожилов-крестьян, 36% крестьян-переселенцев и 20% казаков [3, с. 34]. С конца XIX века произошло разложение кочевого скотоводства у казахов вследствие массового распределения земледелия: по данным переписи 1897 г. 82,1% казахов Ишимского округа и 97,4% Тюкалинского основным занятием называют земледелие; в Омском округе в 1887 г. земледелие освоили 3,3% казахов, в 1908 г. – уже 27%. На территории южных регионов кочевники широко применяли русскую утварь, использовали в рационе питания новые продукты (хлеб, овощи, сахар и другие), а в одежде сочетали традиционные и заимствованные элементы (например, русский способ подвязывания платка). Показательным примером упрощенного отношения к традиционным особенностям своей культуры становится изменение используемого для пошива одежды материала на более ноский, кроме того, наблюдается процесс изживания возрастной специфики женской одежды; в результате влияния русского языка у коренного населения приграничных территорий распространяется двуязычие.

Таким образом, изменение условий проживания и переселенцев, и аборигенов приводило к постепенному изменению этнического самосознания как важнейшего фактора, служащего сохранению культурных особенностей народов. Приток переселенцев, связанный, прежде всего, с освоением земледельческих территорий, сформировал ассимилятивные процессы, обусловленные социально-экономическими факторами. Трансформация системы землевладения и землепользования, коллективизация и длительное существование колхозов и совхозов, массовая миграция населения в города и урбанизация образа жизни, советская система образования и культурная политика, появление новых коммуникативных систем и массовых форм культуры становятся *основанием* для модернизации культуры, ее унификации и формирования общероссийской надэтнической культуры.

Историчность ситуации сегодня продолжает определять поиск путей для взаимного сотрудничества и бесконфликтного взаимодействия этноконфессиональных групп. Безусловно, модификация политических, экономических, социальных условий меняет и характер взаимоотношений. Так, если изначально решение проблемы виделось в налаживании контактов между коренными этносами и переселенцами, то со временем на первый план выходят вопросы, связанные с взаимоотношениями между старожилыми и «новыми» переселенцами. В XX-XXI вв. акцент смещается на проблему возможности бесконфликтного проживания в полиэтническом пространстве и необходимость формирования толерантных отношений внутри единого этноса.

История регионов Западной Сибири свидетельствует о существовании тесной межкультурной взаимосвязи. Современные статистические данные показывают доминирование русского населения и уменьшение численного состава потомков аборигенных народов. Актуальным решением вопроса, на наш взгляд, может стать деятельность региональных властей, направленная на реализацию проектов, поддерживающих традиционные способы проживания в местах компактного расселения представителей коренных малочисленных народов. При этом внимание к истории взаимодействия этнических и конфессиональных групп, находящее свое выражение в исследовательских и образовательных программах, способно сформировать бережное отношение к ценностным основаниям, определяющим уникальный характер культуры места.

Список литературы

1. **Болонев Ф. Ф.** Месяцеслов семейских Забайкалья. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1990. 76 с.
2. **Былое** (неизданные номера журнала). Л.: Изд-во Плотникова, 1991. Кн. 1. 366 с.
3. **Земельный опрос в Сибири.** Сибирская серия. М.: Гос. изд-во, 1919. 38 с.
4. **Карамзин Н. М.** Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 194 с.
5. **Кауфман А. А.** Сибирь: население // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. СПб.: Тип. Акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1900. Т. 29. Кн. 58. Стб. 762-764.
6. **Кауфман А. А.** Хозяйственное положение переселенцев в поселках и приселениях Мариинского округа. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1895. Т. 1. Ч. 1. 525 с.
7. **Козьмин Н. Н.** Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб.: Тип. «Печатный труд», 1910. 266 с.
8. **Михайлов К.** Крепостничество в Сибири: страницы из истории инородческой и крестьянской неволи // Сибирский сборник: научно-литературное периодическое издание / под ред. Н. М. Ядринцева. Иркутск: Типография газеты «Восточное обозрение», 1886. Кн. 1. С. 92-94.
9. **Русские старожилы Сибири:** историко-антропологический очерк. М.: Наука, 1973. 187 с.
10. **Турбин С. И.** Страна изгнания и исчезнувшие люди: сибирские очерки. СПб.: Тип. К. Н. Плотникова, 1872. 367 с.
11. **Хвостов Н. А.** К вопросу взаимоотношений и взаимовлияния тюркских народов Прииртышья с русскими в 18-19 вв. // Россия и Восток: традиции Прииртышья, этнокультурные и этносоциальные процессы: материалы IV междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблема взаимодействия». Омск: Изд-во Омск. филиала объедин. ин-та истории, филологии и философии, 1997. С. 16-20.
12. **Шашков С. С.** Сибирские инородцы в XIX столетии // Народное богатство. 1863. № 58-61, 203, 205, 208, 212, 213, 216, 219.
13. **Шерстова Л. И.** Этнокультурные контакты русских и народов Сибири в XVII-XIX вв.: евразийский аспект // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: междунар. Евразийский форум (III научная конференция): тезисы докл. и сообщ. / под ред. А. П. Толочко. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. С. 76-78.
14. **Щапов А. П.** Русский раскол старообрядства. Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1859. 50 с.
15. **Юшков И.** Сибирские татары. Тобольск: Тип. Тоб. губ. правл., 1861. 122 с.
16. **Ядринцев Н. М.** Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / отв. ред., подгот. к изд. Л. М. Горюшкин, М. В. Шиловский, С. В. Камышан. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. Вып. III. 560 с.

POLY CULTURAL RELATIONS SPECIFICITY IN SIBERIAN REGIONS AS BASIS FOR TERRITORY AXIOLOGICAL FILLING TRANSLATION

Bakulina Svetlana Dmitrievna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University
svbakulina@yandex.ru

The article reveals the peculiarities of socio-cultural situation in the Siberian regions at the turn of the XIXth-XXth centuries that determined modern intercultural interaction vector. Covering the problem of aboriginal and migratory peoples' mutual relations, attention to the issue of the Siberians' mental features formation create a context for the conscious understanding of modern processes in ethno-confessional interaction sphere, the knowledge of the territory historical-cultural mastering helps favourable atmosphere formation for intercultural dialogue construction.

Key words and phrases: ethno-confessional processes; Siberian character; polyethnicity; Siberian mastering; aboriginal peoples; migratory peoples; polycultural relations; axiological filling.